

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВА НА СВОБОДУ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ ПО ДОРЕВОЛЮЦИОННОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ

КОКОРЕВ ВЛАДИМИР ГЕННАДЬЕВИЧ

ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина»,
г. Тамбов, Российская Федерация, e-mail: pochta735@mail.ru

В статье анализируются особенности становления и развития норм об ответственности за нарушение права на свободу совести и вероисповеданий применительно к наименованию и содержанию действующей ст. 148 УК РФ, начиная со времени Древней Руси и до Октябрьской революции 1917 г. Акцентируется внимание на том, что в дореволюционном отечественном уголовном законодательстве ответственность за нарушение права на свободу вероисповедания понималась в узком смысле слова, поскольку с момента принятия Киевской Русью христианства охранялись в основном православные верующие; принятое же в 1903 г. «Уголовное уложение» защищало также и верующих иных религий. Указывается, что на территории Древней Руси действовали обычные нормы, регламентирующие ответственность за оскорбление религиозных (идолопоклоннических) чувств верующих. В последующем, с принятием христианства в Киевской Руси в 988 г., начинается взаимодействие государства и церкви, в результате чего принимается ряд законов, а именно: «Устав князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных» и «Устав Князя Ярослава о церковных судах». Отмечается, что, начиная с «Соборного уложения» 1649 г., формируется институт деяний (отдельная глава), направленных на охрану православной религии. Данный институт преступлений предусматривался в «Артикуле воинском» 1715 г., в «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г., а также в «Уголовном уложении» 1903 г. Указывается, что Уложение 1903 г. впервые защищало как православных верующих, так и лиц, принадлежащих к христианскому вероисповеданию, а также к нехристианским религиям, признанным в Российской империи.

Ключевые слова: воспрепятствование проведению богослужения, нарушение права на свободу совести и вероисповедания, оскорбление религиозных чувств верующих, святотатство

В настоящее время отечественное законодательство находится в поиске оптимальной модели государственной политики в сфере свободы совести и вероисповеданий, о чем свидетельствует принятый Федеральный закон от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан». В результате в новой редакции была изложена ст. 148 УК РФ, в которой предусматривается уголовная ответственность за два деяния, а именно: 1) публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих; 2) незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций или проведению богослужений, иных религиозных обрядов и церемоний [1].

В свою очередь, по замечанию Р. Б. Осокина, одна из проблем уголовной политики – одновре-

менно и форма ее реализации – это совершенствование уголовного законодательства [2].

В целях же более рационального совершенствования уголовного законодательства по данному вопросу, считаем необходимым рассмотреть более подробно генезис российского законодательства, на основе которого можно проанализировать становление и развитие норм об уголовной ответственности за нарушение права на свободу совести и вероисповеданий в отечественном охранительном праве от первых обычных норм Древней Руси до Октябрьской революции 1917 г.

При этом необходимо заметить, что на криминализацию того или иного деяния в уголовном законодательстве влияет такой принцип, как общественная опасность. По мнению Ф. Н. Сотскова, она является интегрированным понятием, определяемым в каждой исторической эпохе в соответствии с моральным, нравственным, религиозным и социально-экономическим развитием общества. Общественная опасность считается внут-

ренным свойством преступления, выражающимся в объективной способности деятельности лица причинить либо создать угрозу причинения вреда, что в результате находит свою юридическую оценку в запрете совершения деяния [3].

Следует обратить внимание на то, что в настоящее время конкретно понимается под «свободой совести» в международных (ст. 18 «Всеобщей декларации прав человека» от 10 декабря 1948 г. [4], ч. 1 ст. 18 «Международного пакта о гражданских и политических правах» от 16 декабря 1966 г. [5], ч. 1 ст. 9 «Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод» от 4 ноября 1950 г. [6], ч. 1 ст. 1 «Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений» от 25 ноября 1981 г. [7]) и отечественных (ст. 28 Конституции Российской Федерации [8], абз. 1 ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [9]) актах. Раньше подобный вопрос не поднимался, так как понимание «свободы совести» стало возможным только на определенной стадии развития человечества. Неслучайно право на «свободу совести» относится к первому поколению прав (права политические и гражданские (личные)), которые были провозглашены в период буржуазных революций (XVII-XVIII вв.) [10]. При этом следует обратить внимание на один момент.

Согласно юридическим словарям и анализу юридической литературы, можно сделать вывод, что понятия «свобода совести» и «свобода вероисповедания» соотносятся как общее и частное, так как свобода вероисповедания является элементом свободы совести. Свобода совести включает в себя право придерживаться не только религиозных, но и атеистических убеждений, а также включает свободу убеждений жизни человека. К свободе вероисповедания относится свобода выбора религии, отправления религиозных обрядов и т. д., что касается исключительно верующих лиц [11-19].

В связи с этим можно сказать, что дореволюционное российское уголовное законодательство было направлено не на охрану свободы совести и вероисповеданий (в сравнении с современным пониманием терминов), а исключительно на реализацию свободы вероисповедания в узком смысле слова. Так, после крещения Киевской Руси охранялись в частности религиозные чувства православных верующих, а также в первоначальной редакции Уложения 1845 г. со ст.ст. 190-205 предусматривались преступления, в некоторых из которых усматривается нарушение права на сво-

бодное исповедание иной религии (переход) лиц, принадлежащих к православной либо иной веры в другую религию [20].

Дореволюционный период российского государства по уголовно-правовой защите свободы вероисповедания условно можно разделить на три периода:

1) до принятия христианства Киевской Русью (до 988 г.);

2) крещение Киевской Руси и принятия законов, охраняющих с помощью уголовно-правовых норм верующих, священнослужителей, принадлежащих к христианской (православной) вере, церковные действия (препятствуя их прерыванию) и ценности (с 988 г. до принятия и вступления в силу, гл. 2 «О нарушении ограждающих веру постановлений» Уложения 1903 г.);

3) принятие Российской империей нового Уголовного уложения в 1903 г., которое охраняло как православных верующих, так и лиц, принадлежащих к христианским и нехристианским религиям, признанным в Российской империи. Кроме этого, данное Уложение регламентировало ответственность за нарушение (прерывание, воспрепятствование) церковных действий этих религий (с момента принятия и вступления в силу, гл. 2 «О нарушении ограждающих веру постановлений» Уложения 1903 г. до Октябрьской революции 1917 г.).

Прежде чем приступить к изучению норм Древней Руси, посвященных уголовно-правовой охране прав на свободу совести и вероисповедания, необходимо обратить внимание на одно обстоятельство. Так, до принятия «Русской правды» и иных законов, существовали обычные нормы, которые в ходе объединения восточнославянских племен преобразовались в обычное право – «закон русский». Исходя из этимологии слова «обычай», следует, что он был сотворен для придания силы духа, духовности человеку, а у древних славян термин «закон» ассоциировался с обычаем, т. е. с нравственностью [21], касающейся в том числе и защиты чувств верующих.

Учитывая сказанное, мы разделяем точку зрения Р. Б. Осокина относительно того, что издавна в нашем государстве первостепенную роль в общественной жизни играли не столько законы, сколько нравственные, духовные, религиозные и другие ценности, а также такие регуляторы, как: совесть, честь, долг и т. д., оказывавшие и оказывающие мощное определяющее воздействие на поведение людей [22].

Вместе с тем, А. А. Крюков считает, что уголовно-правовая охрана права должна действовать

в соответствии со своими убеждениями, основанными на служении идолам, а также санкции за поправление своего идола и оскорбление «идолопоклоннических чувств» являлись гарантией индивидуальности и сохранения самобытности наших предков [23].

Таким образом, следует обратить внимание на следующее обстоятельство: уже на период действия обычных норм (становление которых в немалой степени обусловлено нравственными основами общества) предусматривалась уголовно-правовая охрана в сфере защиты чести и достоинства лиц, в частности в связи с их исповеданием.

В последующем (с принятием христианства Киевской Русью в 988 г.) Церковь и государство вступали в симфонические отношения, но все-таки Церковь в определенной степени являлась юридически независимой от государства. При этом потенциал государства и Церкви был неравен, так как Церковь была более сильной организацией, нежели государство: она располагала средствами воздействия на светскую власть и требовала от княжеской власти подчинения христианским принципам верности по отношению к себе.

Однако, по замечанию Ю. В. Сорокиной, Восточно-христианская церковь пришла на Русь как союзник власти, она опиралась на светскую власть, была ей опорой, существуя в парадигме симфонии [24].

Возможно, именно поэтому начинается разработка и принятие законов, связанных с христианской (православной) верой, в частности: «Устав князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных», «Устав князя Ярослава о церковных судах». Данные законы известны в нескольких редакциях. Термин «редакция» исторического источника включает в себя, по замечанию Р. Б. Осокина, два компонента: деятельность законодателя, изменявшего закон по существу, и работу переписчиков, по-своему компоновавших доходивший до них текст, иногда произвольно объединявших либо разъединявших отдельные нормы или законы [25]. Так, в Пространной редакции «Устава князя Ярослава о церковных судах», принятой в XII-первой четверти XIII вв., предусматривалась ст. 50, которая содержала церковно-правовую ответственность в виде отлучения от веры в том случае, если православный человек позволит себе есть и пить за одним столом с лицом, отлученным от православия [26]. Причиной возникновения этой нормы послужил тот факт, что на момент принятия закона было запрещено тесное общение как с иноверцами, так и с лицами, отлученными от церкви, т. е. совершившими преступ-

ления против веры. При этом в ст. 9 Синодальной редакции «Устава Святого Князя Володимира, крестившего русскую землю, о церковных судах», относящейся к XIII-началу XIV вв., содержалась церковная подсудность, в том числе за совершение «церковной татьбы» [27], т. е. кражи из храма или церкви. В результате именно с этого Устава в отечественном праве берет свое начало уголовно-правовая охрана, направленная на запрет святотатства – кражи из церкви, т. е. оскорбления религиозных чувств верующих, принадлежащих к православной вере, а также охрана ценностей, носящих религиозный характер. Последние некоторые авторы относят к посягательству на культурные ценности, но несмотря на это, данное религиозное деяние не оказывало влияние на признание его в качестве посягательства на культурные ценности. Однако, по замечанию этих авторов, именно церковные (культурные) ценности обладали особым статусом после крещения Руси [28; 29; 30; 31; 32].

В свою очередь следует указать, что уголовная ответственность за святотатство из церкви была заимствована из Византии с учетом русского права, так как Византийское уголовное право во многом определялось влиянием государственной религии. Так, например, по Эклоге и Прохирону, за кражу из алтаря виновному лицу полагалось ослепление, а за кражу просто из церкви – битье плетью и т. д. [33]. Во всех последующих законах [34-37] до «Судебника» 1497 г. не предусматривались уголовно-правовые нормы, направленные на охрану лиц от подобных рассматриваемых нами преступлений.

При этом в ст. 7 «Псковской Судной грамоты» предусматривалась ответственность в виде смертной казни виновному лицу (татю), совершившему преступление, сопряженное, в том числе с «кримской татьбой» [36]. Под ней, по мнению одних ученых, понимается кража из храма (церкви) [28; 38; 39; 40]. Однако есть и иные точки зрения ученых. В частности, под «кримской татьбой» подразумевается кража из Псковского Кремля [41; 42]. По мнению же Ю. Г. Алексеева, под этой татьбой значится похититель, который покушался на государственное достояние либо государственную тайну [43].

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что в историко-юридической литературе до настоящего времени нет единого мнения относительно того, что именно понималось под термином «кримская татьба»: кража из церкви или кража из Кремля. Однако в ст. 7 «Псковской Судной грамоты» за данную татьбу законодатель предусматривал смертную казнь.

В последующем с конца XV в. усиливается правоприменительная практика по делам о преступлениях против церкви и веры, в результате чего в этот период времени складывается особая система судопроизводства по подобным делам. Так, первоначально их рассматривал церковный суд, в последующем, после судопроизводства над виновным лицом по церковным канонам, он (преступник) передавался светскому суду, который применял в отношении преступника «градскую казнь».

Данный параллелизм сохранялся в отечественном законодательстве до издания «Соборного уложения» 1649 г., в котором государство полностью регламентировало уголовно-правовую борьбу с религиозными преступлениями [44].

При этом в ст. 9 «Судебника» 1497 г. регламентировалась ответственность виновного лица за совершение татьбы в том числе и из церкви («церковный тать»), т. е. совершение преступником святотатства, и предусматривалось наказание в виде смертной казни [45]. «Судебник» 1550 г. содержал такое же наказание за данное деяние (ст. 61) [46].

В свою очередь названные законы не определяли специальных составов этого деяния. Данное обстоятельство обосновывается, по мнению В. В. Андрощука, тем, что суд по религиозным преступлениям в период действия этих законов основывался на церковных канонах [47].

Следующим нормативным памятником в Российском государстве, является «Соборное уложение» 1649 г., представляющим собой первый в отечественном законодательстве систематизированный закон, подразделенный на главы, посвященные определенным наименованиям (деяниям). Исходя из анализа ст. 1 гл. 1 «О богохулниках и о церковных мятежниках» можно сделать вывод, что под «богохульством» понималось «оскорбление своими словесными выражениями или какими-либо действиями, а также отрицание Иисуса Христа и святых» [48], что в то время рассматривалось как посягательство на основы христианской веры.

Кроме этого деяния, в данном Уложении содержались преступления, сопряженные с «церковным мятежом», т. е. нарушающие порядок церковного благочиния, выражающегося в нарушении церковной службы лицом, которое присутствовало на ней и вызвало, в том числе прерывание литургии следующими способами: произнесение непристойных речей в отношении священнослужителей, прихожан либо грубое нарушение порядка в церкви разного рода (ст.ст. 2-7 гл. 1 «О богохулниках и о церковных мятежниках») [48, с. 85-86], что в неко-

тором роде схоже с диспозицией ч. 3 и п. «б» ч. 4 ст. 148 УК РФ. При этом следует отметить, что в данном Уложении законодатель продолжает преемственность по установлению уголовной ответственности за кражу из церкви (святотатство), (ст. 14 гл. 21 «О розбойных и о татинных делах») [48].

В Российском государстве в конце XVII-начале XVIII вв. начинаются преобразования во всех сторонах общественной жизни, в том числе и во взаимоотношениях светской и церковной власти. Так, *de facto*, церковь была включена в государственный аппарат (приобретает государственный характер) с 1700 г., когда умирает патриарх Андриан, а Петр I запрещает избирать нового патриарха, а *de jure* с 1721 г., с момента учреждения Правительствующего Синода.

В свою очередь, при Петре I, в 1715 г., принимается «Артикул воинский», который действует одновременно с «Соборным уложением» 1649 г. фактически до второй половины XIX в. В данном законодательном акте расширяется перечень составов преступлений против веры, которые содержатся в гл.гл. 1, 2: «О страхе божии» и «О службе божии и о священниках». Так, в артикулах 3 и 4 гл. 1 указывалось следующее:

«Кто имени божию хулению приносит, и оно презирает, и службу божию поносит, и ругается слову божию и святым таинствам, а весьма в том он обличен будет, хотя сие в пьянстве или трезвом уме учинится...

Кто пресвятую мать божию деву Марию и святых ругательными словами поносит,...» [49].

В артикуле 5 этой главы предусматривалась ответственность лица, которое слышало от преступника эти оскорбляющие слова, но одновременно не известило об этом в надлежащем месте [49]. Следует отметить, что в артикуле 6 гл. 1 «Артикула воинского» предусматривалась отдельная ответственность виновного лица за повторение преступления в том случае, если его слова никакого богохульства в себе не содержали, а были произнесены только из легкомыслия; при этом данное деяние должно быть совершено единожды либо дважды, а виновное лицо за совершение данного преступления подвергалось наказанию как светскому (четырнадцатидневному заключению в железа, гонению шпицрутен, вычитывалось жалование на месяц в шпиталь), так и церковному (при назначении телесного наказания к преступнику могло быть применено церковное покаяние). В том случае, когда виновное лицо совершало данное преступление в третий раз, к нему применялась мера государственного принуждения в виде аркибузирования (расстрела) [49].

Кроме этого, подчеркнем, что к преступлениям, относящимся по «Артикулу воинскому» к «церковному мятежу», можно отнести деяния, которые касались *бесчиния в храме и бесчиния вне храма в период проведения церковных служб*. К первым следует отнести нахождение офицера или рядового в период проведения молитвы в нетрезвом состоянии, в результате чего виновные лица, находясь в алкогольном опьянении, оказывали соблазн присутствующим. В результате за совершения этого деяния наказание для них дифференцировалось следующим образом: рядовому назначалось посажение в железа, а наказание офицера зависело от количества совершенных подобных преступлений (арт. арт. 11 и 12 гл. 2 «О службе божии и о священниках») [49]. Вместе с тем в арт. 13 предусматривалось положение, что всем офицерам и рядовым необходимо любить и почитать священников: «И никто да не дерзает оным как словом, так и делом досаду чинить, и презирать, и ругаться» [49]. Ко второму виду бесчинства можно отнести деяние, которое содержалось в арт. 16, заключающимся в нарушении запрета маркетентерам, купцам, харчевникам и шинкарям продавать пиво, вино и иные товары «сколь скоро к молитве и службе божией звачный знак дан будет...». Исходя из данного артикула, можно сделать вывод, что на продажу этих товаров было послабление в том случае, когда «больной для своей нужды требовать будет» [49, с. 331]. Следует заметить, что арт. 17 регламентировал ответственность для тех виновных лиц, которые во время службы божией не отставят банкеты и иные суетные забавы [49, с. 331].

При этом в «Артикуле» законодатель расширяет перечень святых мест, где преступник, совершив кражу святых предметов, тем самым оскорбляет чувства православных верующих (артикул 186) [49, с. 362].

Таким образом, «Артикул воинский» охранял от оскорблений чувства верующих лиц, принадлежащих к православной вере, а также предусматривал ответственность за бесчинства («церковный мятеж»), которые расценивались как препятствие проведению православных богослужений, совершению религиозных обрядов либо церемоний.

Следующий этап в развитии уголовного законодательства характеризуется как «кодифицированный» (до этого уголовно наказуемые деяния запрещались различного рода указами, воинскими уставами и другими нормативными актами, которые содержали одновременно нормы различных отраслей права [50]) в связи с тем, что в 1845 г.,

при Николае I, принимается «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных». Данное Уложение является первым отечественным кодексом, который делился на общую и особенную части. При этом в первоначальной его редакции в ст.ст. 182-188 первой главы «О богохулении и порицании веры» [20, с. 211-213], а также в ст.ст. 223, 226, 229-236 главы третьей «Об оскорблении святыни и нарушении церковного благочиния» наличествовала уголовно-правовая охрана чувств православных верующих [20, с. 221-225].

Следует заметить, что к воспрепятствованию проведения религиозных обрядов и подобных действий можно отнести ст. 199, предусматривающей ответственность за создание препятствий адепту иного вероисповедания принять православную веру, в том числе данная статья в ч. 2 Уложения 1845 г. в первоначальной редакции закрепляла квалифицирующий состав преступления касательно случая, когда для препятствования перехода лица в православие были применены преступниками угрозы, притеснения, либо насилие [20, с. 216]; ст. 224 регламентировала ответственность за прерывание богослужения, совершающегося как в самой церкви, так и вне оной, с помощью побоев либо иными насильственными действиями против священнослужителей. При этом необходимо учесть, что данная статья предусматривала дифференциацию ответственности для преступника в зависимости от того, как он совершил данное деяние, т. е. с обдуманным намерением либо умыслом, или необдуманному заранее умыслу. Если виновное лицо, совершившее данное деяние, исповедовало христианскую веру, то ему назначалось, кроме светского наказания, также церковное – в виде церковного покаяния по распоряжению своего духовного начальства [20, с. 222]; ст. 225 предусматривала ответственность за действия преступников, направленные на применение физического насилия по отношению к священнослужителю в период проведения им службы либо исправления духовных треб [20, с. 222-223]; ст. 227 устанавливала ответственность за прерывание либо остановку богослужения по причине того, что виновное лицо оскорбляет дерзкими либо грубыми словами священнослужителя в период проведения службы [20, с. 223]; ч. 2 ст. 231 регламентировала ответственность для виновного лица за его неприличные поступки, под которыми понимались появление его на благоговение в нетрезвом состоянии либо развращенном виде, либо во время ее проведения неприлично громко кричал, хохотал и т. п., что приводило к замешательству или остановке богослу-

жения [20, с. 224]; ст.ст. 237-238 предусматривали ответственность за действия, направленные на прерывание божественной службы (литургии) в воскресный либо торжественный день, или в табельный, либо храмовый праздник [20, с. 225]; ст. 239 содержала ответственность за действия преступника, направленные на создание препятствия(ий) во время проведения либо перед началом крестного хода, а ч. 2 данной статьи Уложения 1845 г. в первоначальной редакции предусматривала ответственность в том случае, если преступник окажет явное неуважение к крестному ходу, либо с целью помешать проведению этого священного обряда действовало несколько преступников с намерением произвести соблазн [20, с. 225]; ст. 240 регламентировала ответственность за какие-либо неприличные действия во время исправления духовных треб либо молебствия в общественных заведениях или частных домах, имеющие намерение помешать совершению религиозных действий священнослужителем [20, с. 225-226].

Кроме этого, следует указать, что в первоначальной редакции Уложение 1845 г. специально выделяло в особенной части в гл. 2 «Об отступлении от веры и постановлений церкви» отделение 1 «Об отвлечении и отступлении от веры», предусматривающее деяния со ст.ст. 190-205, в некоторых из них усматривается нарушение права на свободу вероисповеданий, т.е. право на свободное исповедание иной религии, т.е. переход лиц, принадлежащих к православной либо иной вере в другую религию [20, с. 214-217].

При этом в первоначальной редакции ст. 167 Уложения 1845 г. предусматривала, что сила постановлений о давности не распространяется на совершенные лицом преступления, связанные с переходом верующего из православной веры в иную (христианскую либо другую веру) [20, с. 208].

Необходимо заметить, что норма за переход («сворачивание») лица, принадлежащего к православию, в иное вероисповедание предусматривалась первоначально в Уложении 1649 г. В нем регламентировалась уголовная ответственность за подобное деяние в ст. 24 гл. 22 «Указ за какие вины кому чинить смертная казнь, и за какие вины смерти не казнить, а чинить наказание» следующим образом: «А будет кого бусурман какими нибудь мерами насильством или обманом русского человека к своей бусурманской вере принудит, и по своей бусурманской вере обрежет, а сыщется про то допряма, и того бусурмана по сыску казнить, зжечь огнем безо всякого милосердия» [48].

При этом следует указать, что в первоначальной редакции ст. 241 гл. четвертой «О святотатстве, разрытии могил и ограблении мертвых тел» Уложения 1845 г. предусматривалось, что следует понимать под «святотатством». Так, под ним подразумевалось любое похищение церковных вещей и денег как из самих церквей, так и из часовен и иных мест, относящихся к церковным хранилищам либо хранилищам, расположенным вне церковного строения. Важность преступления, сопряженного со святотатством, и наказания за его совершение увеличивались, когда оно соединялось с оскорблением святыни либо с насильственными действиями, либо со взломом [20, с. 226].

Таким образом, российский законодатель XIX в. посвящает целую главу Уложения 1845 г. деяниям, посягающим на особо почитаемые предметы церкви. При этом, по мнению Е. В. Медведева, выделение ст. 241 в Уложение 1845 г. было направлено на обеспечение неприкосновенности церкви. По замечанию этого автора, общественная опасность святотатства выражалась в нарушении религиозных канонов и в причинении вреда церкви [51]. Мы считаем, что совершение святотатства относится и к оскорблению религиозных чувств верующих, как было со времен издания Синодальной редакции «Устава Святого Князя Володимира, крестившаго русскую землю, о церковных судех».

В связи с этим следует заметить, что Уложение 1845 г. в первоначальной редакции (по сравнению со всеми предыдущими законами, предусматривающими ответственность за оскорбление чувств верующих и за воспрепятствование проведения религиозных обрядов и т.п. действий) расширяло перечень этих преступлений, а также, предусматривало ряд деяний, нарушающих реализацию права на свободу вероисповеданий в российском государстве.

В 1864 г., при Александре II, принимается «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями». В данном Уставе содержались ст.ст. 35 и 36, которые регламентировали ответственность за нарушение благочиния во время священнослужения при условии, что правонарушитель не оскорблял святыни [52], иначе он подлежал уголовной ответственности по соответствующим статьям «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г.

В 1903 г., при Николае II, принимается «Уголовное уложение», которое должно было заменить Уложение 1845 г. Однако (в связи с политическими и иными причинами) в полной мере это не удалось реализовать: на всей территории Российской империи вступили в силу лишь некото-

рые статьи и главы, прежде всего за государственные деяния. Следует указать, что в первоначальной редакции Уложения 1903 г. предусматривалась уголовная ответственность за оскорбление чувств верующих, принадлежащих к христианскому вероисповеданию (ст. 73-75) [53]. По замечанию И. Л. Дмитриева, к ним относились Русская православная Церковь, Римско-Католическая Церковь, а также Армянская Апостольская Древневосточная Православная Церковь (применительно к ст. 73 Уложения 1903 г.) [54]. В свою очередь в ст. 76-77 данного Уложения в первоначальной редакции также регламентировалась уголовно-правовая охрана чувств верующих, принадлежащих к нехристианским вероисповеданиям, признанным в Российской империи [53, с. 188].

Следует заметить, что Уложение 1903 г. в первоначальной редакции предусматривало ответственность за воспрепятствование проведению богослужений и т. п. религиозных действий. Так, ст. 75 Уложения дифференцировала наказания в зависимости от следующих обстоятельств:

1) в случае, если преступник будет препятствовать отправлению Христианского богослужения с помощью непристойного крика, шума и иных противоправных действий (ч. 1 ст. 75);

2) в случае, если действиями виновного лица было прервано богослужение, либо данное бесчинство в храме было совершено толпой (ч. 2 ст. 75);

3) ч. 3 ст. 75 регламентировала ответственность за то, что преступник в результате бесчинства в храме преследовал цель, направленную на создание препятствий отправлению богослужения;

4) ч. 4 данной статьи Уложения 1903 г. содержала ответственность за реализацию виновным лицом преследуемой им цели, направленной на создание препятствий отправлению богослужения (т.е. богослужение прерывалось), либо это бесчинство совершалось толпой [53, с. 188].

Таким образом, ст. 75 Уложения 1903 г. в первоначальной редакции предусматривала два альтернативных деяния: 1) препятствие отправлению общественного Христианского богослужения; 2) преследование виновным лицом цели, направленной на создание препятствий проведению богослужения.

При этом следует заметить, что в отличие от ст. 75 Уложения 1903 г., охраняющей Христианское богослужение, ст. 77 данного Уложения в первоначальной редакции предусматривала ответственность за непристойные крики, шум и т. п. действия виновного лица, вследствие которых было прервано общественное религиозное служение нехристианских вероисповеданий, признан-

ных в России [53, с. 188]. Пункт 2 ч. 1 ст. 80 Уложения 1903 г. в первоначальной редакции содержал ответственность за воспрепятствование совершению богослужения либо обряда, установленных правилами признанного в России вероисповедания, с помощью физического или психического насилия над личностью, а ч. 2 данной статьи Уложения 1903 г. предусматривала в том числе ответственность за действия, перечисленные в п. 2 ч. 1 этой статьи Уложения 1903 г. по отношению к священнослужителю Христианского вероисповедания либо духовному лицу нехристианского вероисповедания [53, с. 189]. Статья 81 в первоначальной редакции этого Уложения регламентировала ответственность за действия лица нехристианского вероисповедания, препятствующего – без насилия над личностью либо наказуемой угрозой – христианину, который у него находится в услужении и т. п., исполнять им соответствующее религиозное действие, в том числе празднование воскресного или праздничного дня [53, с. 189]. Ст. 95 Уложения 1903 г. в первоначальной редакции содержала ответственность за воспрепятствование посредством физического либо психического насилия принять Православную веру лицу, принадлежащему к иному вероисповеданию [53, с. 191].

Кроме этого, в первоначальной редакции Уложения 1903 г. содержались деяния, сопряженные с «совращением», они предусматривались в той или иной степени со ст.ст. 82-93 гл. 2 «О нарушении ограждающих веру постановлений». При этом, согласно ст.ст. 82-84, ч. 2 ст. 85, ст.ст. 86-87, некоторые из них должны были обязательно сопровождаться насилием, злоупотреблением властью, обманом, принуждением, обольщением, обещанием выгод и т. п. (в зависимости от конкретного преступления) со стороны виновного лица, чтобы оно подлежало уголовной ответственности по соответствующим статьям данного Уложения [53, с. 189-190].

Итак, первоначальная редакция Уложения 1903 г. (в отличие от предыдущих уголовных законов, направленных на охрану чувств верующих, запрет воспрепятствовать проведению богослужений и т. п. религиозных действий) впервые в российском государстве защищала как православных верующих, так и лиц, принадлежащих к христианскому вероисповеданию, а также к нехристианским религиям, которые были признаны в Российской империи, что продиктовано общественно-политическими преобразованиями этого периода времени. Однако Уложение 1903 г. в большей степени охраняло верующих, принадле-

жащих к христианской вере, чем к иным вероисповеданиям.

Вместе с тем, в первоначальной редакции «Уголовного уложения» 1903 г. предусматривались две статьи, сопряженные со святотатством: ст. 588, которая регламентировала ответственность за воровство в церкви, и п. 2 ч. 2 ст. 589, предусматривающий ответственность за совершение разбоя в церкви [53, с. 257].

В последующем в Российской империи были начаты дальнейшие преобразования, в том числе и в вероисповедательной политике. Так, Указ от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» закреплял, что отпадение (переход) от православной веры лиц в иное христианское вероисповедание или вероучение не подлежит преследованию (п. 1) [55, с. 36-37]. На основании этого Указа редактировались либо декриминализировались соответствующие статьи Уложения 1845 г., которые предусматривали уголовную ответственность за переход православного верующего в христианское вероисповедание либо иное вероучение.

Затем, 17 октября 1905 г. был принят Высочайший Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», в п. 1 которого указывалось следующее: «Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов» [56, с. 135].

В дальнейшем на основании высочайше утвержденного мнения государственного Совета от 14 марта 1906 г. «О согласовании некоторых постановлений уголовного законодательства с указом 17 апреля 1905 г. об укреплении начал веротерпимости и о введении в действие второй главы нового Уголовного уложения» рассматриваемые нами деяния фактически оставлены без изменений, в некоторой степени изменены лишь статьи, посвященные «свращению», в частности: ст.ст. 80, 84, 86, 90, 93 Уложения 1903 г. [57].

В период Временного правительства принимается ряд постановлений, в частности:

– постановление от 7 марта 1917 г., отменяющее сословные, вероисповедательные и национальные ограничения, но сохраняющее – как и было при самодержавии – главенствующее положение Русской православной церкви, а также все ее привилегии [58];

– постановление от 20 марта 1917 г. «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений», которым были ликвидированы ранее действующие ограничения на граждан Российской

империи в зависимости от принадлежности их к определенному вероисповеданию либо национальности [10, с. 256].

Позднее Временное правительство принимает постановление 14 июля 1917 г. «О свободе совести» [59].

Подводя итог сказанному выше, можно сделать вывод, что со времен «обычных» норм Древней Руси и вплоть до Октябрьской революции защищались чувства верующих с помощью норм права: с момента охраны «идолопоклоннических» чувств до «Уголовного уложения» 1903 г. Последний уголовный закон дореволюционной России (в отличие от Пространной редакции «Устава князя Ярослава о церковных судах», Синодальной редакции «Устава Святого Князя Володимира, крестившего русскую землю, о церковных судах», Судебников 1497 и 1550 гг., «Соборного уложения» 1649 г., «Артикула воинского» 1715 г., «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г., «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» 1864 г.) охранял не только чувства верующих, принадлежащих к православной вере, но и чувства лиц, принадлежащих к иным вероисповеданиям, которые были признаны в России. При этом, начиная с «Соборного уложения» 1649 г. и до Октябрьской революции 1917 г., в уголовных законах в той или иной степени предусматривалась уголовная ответственность за незаконное воспрепятствование деятельности проведению богослужений, иных религиозных обрядов и церемоний.

Литература

1. О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан : федер. закон Рос. Федерации от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 11 июня 2013 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 26 июня 2013 г. // Собрание законодательства РФ. 2013. № 26. Ст. 3209.
2. Осокин Р. Б. Декриминализация клеветы и оскорбления как одна из форм реализации уголовной политики // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 7-8 (041-042). С. 196-199.
3. Сотсков Ф. Н. Общественная опасность деяния в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 10.
4. Всеобщая декларация прав человека от 10 дек. 1948 г. // Права человека: сборник международных документов. М., 1998. С. 12-17.
5. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 дек. 1966 г. // Права человека: сборник международных документов. М., 1998. С. 27-43.

6. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 нояб. 1950 г. // Права человека: сборник международных документов. М., 1998. С. 67-82.
7. Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений от 25 нояб. 1981 г. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Конституция Российской Федерации : принята на всенародном голосовании 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
9. О свободе совести и о религиозных объединениях : федер. закон Рос. Федерации от 26 сент. 1997 г. № 125-ФЗ (в ред. от 13 июля 2015 г.) : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 19 сент. 1997 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 24 сент. 1997 г. // Собрание законодательства РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.
10. Туманова А. С., Киселев Р. В. Права человека в правовой мысли и законотворчестве Российской империи второй половины XIX-начала XX века. М., 2011. С. 34-35, 7.
11. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 544.
12. Энциклопедический юридический словарь / под общ. ред. В. Е. Крутских. 2-е изд. М., 1998. С. 285-286.
13. Пчелинцев А. В. Свобода вероисповедания и религиозные объединения в Российской Федерации (конституционно-правовое исследование): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 27.
14. Карпушкин А. В. Конституционные основы и генезис взаимоотношений государства и религиозных объединений в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 16.
15. Родионова Е. В. О свободе вероисповедания по действующему российскому законодательству // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия Право. 2009. № 1 (5). С. 128-133.
16. Мордовцева Т. В. Философское значение правового института свободы совести в российском законодательстве // Философия права. 2012. № 6 (55). С. 88-91.
17. Большакова В. М. Право на свободу совести и свободу вероисповедания: особенности реализации в современной России // Власть. 2015. № 2. С. 128-132.
18. Иванюк О. А. Свобода совести и свобода вероисповедания: соотношение понятий и границы законодательного регулирования // Журнал российского права. 2010. № 9. С. 46-58.
19. Осин И. В. Свобода совести как субъективное право // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 23. С. 25-28.
20. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Российское законодательство X-XX веков. Законодательство первой половины XIX века. М., 1988. Т. 6. С. 214-217.
21. Некрасов М. А. Особенности становления правового обычая в российском праве // История государства и права. 2008. № 21. С. 21-24.
22. Осокин Р. Б. О необходимости разработки концептуальных основ противодействия преступлениям против общественной нравственности // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2011. Вып. 3 (95). С. 236-239.
23. Крюков А. А. Уголовно-правовая охрана свободы совести и вероисповеданий в России в дохристианский период // Сибирский юридический вестник. 2010. № 1. С. 40-44.
24. Сорокина Ю. В. Особенности русского религиозно-правового сознания и его влияние на взаимоотношения общества и государства (к истории взаимоотношений церкви и государства) // История государства и права. 2009. № 12. С. 5-9.
25. Осокин Р. Б. Генезис норм об уголовной ответственности за жестокое обращение с животными в досоветский период // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2011. Вып. 12-1 (104). С. 396-399.
26. Пространная редакция «Устава Князя Ярослава о церковных судах» // Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Законодательство Древней Руси. М., 1984. Т. 1. С. 189-192.
27. Синодальная редакция «Устава Святого Князя Володимира, крестившего русскую землю, о церковных судах» // Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Законодательство Древней Руси. М., 1984. Т. 1. С. 148-150.
28. Клебанов Л. Р. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 23.
29. Вершков В. В. Уголовная ответственность за невозвращение на территорию Российской Федерации предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 13.
30. Беспалько В. Г. История развития законодательства об охране культурных ценностей от преступных посягательств // Культура: управление, экономика, право. 2013. № 2. С. 27-34.
31. Бородин А. В., Осокин Р. Б. Понятие и признаки культурных ценностей // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 4. С. 101-107.
32. Бородин А. В. История развития российского уголовного законодательства об ответственности за культурные ценности // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права: теория и практика: мат.-лы III Междунар. науч.-практ. конф. (16-17 апр. 2014 г.). Тамбов, 2014. С. 322-327.
33. Чибинев В. М. Макаров Д. А. Влияние христианства в византийском уголовном праве // История государства и права. 2007. № 24. С. 34-35.

34. Краткая редакция. Текст по Академическому списку. Правда Русская // Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Законодательство Древней Руси. М., 1984. Т. 1. С. 47-49.

35. Пространная редакция. Суд Ярославль Володимерич. Правда Русская // Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Законодательство Древней Руси. М., 1984. Т. 1. С. 64-73.

36. Псковская Судная грамота // Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Законодательство Древней Руси. М., 1984. Т. 1. С. 331-342.

37. Новгородская Судная грамота // Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Законодательство Древней Руси. М., 1984. Т. 1. С. 304-308.

38. Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства / предисл. А. Д. Каплина; отв. ред. О. А. Платонов. М., 2011. С. 442.

39. Юшков С. В. История государства и права СССР : учебник. 4-е изд. / отв. ред. В. С. Покровский. М., 1961. Ч. 1. С. 164.

40. История отечественного государства и права: учебник / отв. ред. И. А. Исаев. М., 2012. С. 48.

41. Мартысевич И. Д. Псковская судная грамота. Историко-юридическое исследование. М., 1951. С. 98.

42. Федорова А. Н. Виды и меры юридической ответственности по Псковской судной грамоте // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2010. № 4 (14). С. 116-119.

43. Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV – XV вв. / под ред. Н. Е. Носова. Л., 1980. С. 45.

44. Лукьянов С. А. Государство и церковь в борьбе с «городскими ересями» в Древней и Московской Руси в XIV – XVI вв. // История государства и права. 2010. № 1. С. 11-13.

45. Судебник 1497 г. // Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. Т. 2. С. 54-62.

46. Судебник 1550 г. // Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. Т. 2. С. 97-120.

47. Андрощук В. В. Общий характер религиозных деликтов, их виды и место среди уголовно-наказуемых деяний // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8 (14). В 4-х ч. Ч. IV. С. 18-21.

48. Соборное Уложение 1649 года // Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Акты Земских соборов. М., 1985. Т. 3. С. 83-257.

49. Артикул воинский 1715 г. // Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1986. Т. 4. С. 330.

50. Осокин Р. Б. Состояние уголовно-правового противодействия преступлениям против общественной нравственности в некодифицированный период развития российского уголовного законодательства // Вест-

ник Московского университета МВД России. 2015. № 2. С. 86-89.

51. Медведев Е. В. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. С. 18.

52. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми Судьями 1864 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Отделение 2. 1864 г. СПб., 1867. Т. XXXIX. С. 404-405.

53. Уголовное уложение 1903 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. Отделение 1. 1903 г. СПб., 1905. Т. XXIII. С. 187-188.

54. Дмитриев И. Л. Церковная политика Российской империи в начале XX века (историко-правовой аспект) // История государства и права. 2003. № 6. С. 36-39.

55. Об укреплении начал веротерпимости : именной высочайший указ Правительствующему сенату от 17 апр. 1905 г. // Законодательные акты переходного времени. 1904-1908 гг. : сб. законов, манифестов, указов Правительствующему сенату, рескриптов и положений Комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя / под ред. Н. И. Лазаревского; введение В. А. Демина. М., 2010. С. 36-39.

56. Об усовершенствовании государственного порядка: высший Манифест от 17 окт. 1905 г. // Законодательные акты переходного времени. 1904-1908 гг. : сб. законов, манифестов, указов Правительствующему сенату, рескриптов и положений Комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя / под ред. Н. И. Лазаревского; введение В. А. Демина. М., 2010. С. 135-136.

57. О согласовании некоторых постановлений уголовного законодательства с указом 17 апреля 1905 г. об укреплении начал веротерпимости и о введении в действие второй главы нового Уголовного уложения : высочайшее утв. мнение гос. совета от 14 марта 1906 г. // Законодательные акты переходного времени. 1904-1908 гг.: сб. законов, манифестов, указов Правительствующему сенату, рескриптов и положений Комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя / под ред. Н. И. Лазаревского ; введение В. А. Демина. М., 2010. С. 270-277.

58. Савельев В. Н. Свобода совести: история и теория: монография. М., 1991. С. 64.

59. Придворов Н. А., Тихонова Е. В. Институт свободы совести и свободы вероисповедания в праве современной России. М., 2007. С. 33.

References

1. Kapterev O vnesenii izmenenij v stat'yu 148 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federatsii i ot del'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federatsii v tselyakh protivodejstviya oskorbleniyu religioznykh ubezhdenij i chuvstv grazhdan: feder. zakon Ros. Federatsii ot 29 iyunya 2013 g. № 136-FZ: prinyat Gos. Dumoj Feder.

Sobr. Ros. Federatsii 11 iyunya 2013 g.: odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 26 iyunya 2013 g. [About modification of article 148 of the Criminal code of the Russian Federation and separate acts of the Russian Federation for counteraction to an insult of religious beliefs and feelings of citizens: feder. law of Rus. Federation from June 29, 2013 № 136-FL: accepted by State Duma of Feder. Assembly of Rus. Federation on June 11, 2013: approved by Federation Council of Feder. Assembly of Rus. Federation on June 26, 2013] // Sobraniye zakonodatel'stva RF. 2013. № 26. St. 3209.

2. Osokin R. B. Dekriminalizatsiya klevety i oskorbleniya kak odna iz form realizatsii ugovolnoj politiki [Decriminalization of slander and insult as one of forms of realization of criminal policy] // Sotsial'no-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy. 2012. № 7-8 (041-042). S. 196-199.

3. Sotskov F. N. Obshchestvennaya opasnost' deyaniya v ugovolnom prave Rossii [Public danger of act in criminal law of Russia]: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2009. S. 10.

4. Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka ot 10 dek. 1948 g. [The universal declaration of human rights from 10 Dec. 1948] // Prava cheloveka: sbornik mezhdunarodnykh dokumentov. M., 1998. S. 12-17.

5. Mezhdunarodnyy pakt o grazhdanskikh i politicheskikh pravakh ot 16 dek. 1966 g. [The International Covenant on Civil and Political Rights from 16 Dec. 1966] // Prava cheloveka: sbornik mezhdunarodnykh dokumentov. M., 1998. S. 27-43.

6. Evropejskaya Konventsia o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod ot 4 noyab. 1950 g. [The European Convention on protection of human rights and fundamental freedoms from 4 November 1950] // Prava cheloveka: sbornik mezhdunarodnykh dokumentov. M., 1998. S. 67-82.

7. Deklaratsiya o likvidatsii vseh form neterpimosti i diskriminatsii na osnove religii ili ubezhdenij ot 25 noyab. 1981 g. [The declaration on elimination of all forms of intolerance and discrimination on the basis of religion or belief from 25 November 1981] Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

8. Konstitutsiya Rossijskoj Federatsii: prinyata na vsenarodnom golosovanii 12 dek. 1993 g. (s uchetom popravok, vnesennykh Zakonami Ros. Federatsii o popravkakh k Konstitutsii Ros. Federatsii ot 30 dek. 2008 g. № 6-FKZ, ot 30 dek. 2008 g. № 7-FKZ, ot 5 fevr. 2014 g. № 2-FKZ, ot 21 iyulya 2014 g. № 11-FKZ) [Constitution of the Russian Federation: accepted on national vote on 12 Dec. 1993 (taking into account the amendments made by Laws of Rus. Federation about amendments to the Constitution of Rus. Federation from 30 Dec. 2008 № 6-FCL, from 30 Dec. 2008 № 7-FCL, from 5 February 2014 № 2-FCL, of July 21, 2014 № 11-FCL)] // Sobraniye zakonodatel'stva Ros. Federatsii. 2014. № 31. St. 4398.

9. O svobode sovesti i o religioznykh ob'yedineniyakh: feder. zakon Ros. Federatsii ot 26 sent. 1997 g. № 125-FZ (v red. ot 13 iyulya 2015 g.): prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federatsii 19 sent. 1997 g.:

odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 24 sent. 1997 g. [About a freedom of worship and about religious associations: feder. law of Rus. Federation from 26 September 1997 № 125-FL (in an edition from July 13, 2015): accepted by State Duma of Feder. Assembly of Rus. Federation on 19 September 1997: approved by Federation Council of Feder. Assembly of Rus. Federation on 24 September 1997 // Sobraniye zakonodatel'stva RF. 1997. № 39. St. 4465.

10. Tumanova A. S., Kiselev R. V. Prava cheloveka v pravovoj mysli i zakonotvorchestve Rossijskoj imperii vtoroj poloviny XIX-nachala XX veka [Human rights in legal thought and lawmaking of the Russian Empire of the second half of the XIX beginning of the XX century]. M., 2011. S. 34-35, 7.

11. Bol'shoj yuridicheskij slovar' [Big legal dictionary] / pod red. A. Ya. Sukhareva, V. E. Krutskikh. 2-ye izd., pererab. i dop. M., 2004. S. 544.

12. Entsiklopedicheskij yuridicheskij slovar' [Encyclopedic legal dictionary] / pod obshch. red. V. E. Krutskikh. 2-ye izd. M., 1998. S. 285-286.

13. Pchelintsev A. V. Svoboda veroispovedaniya i religioznye ob'yedineniya v Rossijskoj Federatsii (konstitutsionno-pravovoye issledovaniye) [Freedom of worship and religious associations in the Russian Federation (constitutional and legal research)]: avtoref. dis. ... d-r yurid. nauk. M., 2012. S. 27.

14. Karpushkin A. V. Konstitutsionnye osnovy i genezis vzaimootnoshenij gosudarstva i religioznykh ob'yedinenij v Rossijskoj Federatsii [The constitutional bases and genesis of relationship of the state and religious associations in the Russian Federation]: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2009. S. 16.

15. Rodionova E. V. O svobode veroispovedaniya po dejstvuyushchemu rossijskomu zakonodatel'stvu [About a freedom of worship by the existing Russian legislation] // Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii. Seriya Pravo. 2009. № 1 (5). S. 128-133.

16. Mordovtseva T. V. Filosofskoye znachenie pravovogo instituta svobody sovesti v rossijskom zakonodatel'stve [Philosophical value of legal institute of a freedom of worship in the Russian legislation] // Filosofiya prava. 2012. № 6 (55). S. 88-91.

17. Bol'shakova V. M. Pravo na svobodu sovesti i svobodu veroispovedaniya: osobennosti realizatsii v sovremennoj Rossii [Right for a freedom of worship and freedom of worship: features of realization in modern Russia] // Vlast'. 2015. № 2. S. 128-132.

18. Ivanyuk O. A. Svoboda sovesti i svoboda veroispovedaniya: sootnosheniye ponyatij i granitsy zakonodatel'nogo regulirovaniya [Freedom of worship and freedom of worship: ratio of concepts and border of legislative regulation] // Zhurnal rossijskogo prava. 2010. № 9. S. 46-58.

19. Osin I. V. Svoboda sovesti kak sub'yektivnoye pravo [Freedom of worship as subjective right] // Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo. 2008. № 23. S. 25-28.

20. Ulozheniye o nakazaniya ugovolnykh i ispravitel'nykh 1845 g. [The code about punishments crim-

inal and corrective 1845] // Rossijskoe zakonodatel'stvo X-XX vekov. Zakonodatel'stvo pervoj poloviny XIX veka. M., 1988. T. 6. S. 214-217.

21. Nekrasov M. A. Osobennosti stanovleniya pravovogo obyčaya v rossijskom prave [Features of formation of legal custom in Russian law] // Istoriya gosudarstva i prava. 2008. № 21. S. 21-24.

22. Osokin R. B. O neobkhodimosti razrabotki kontseptual'nykh osnov protivodejstviya prestupleniyam protiv obshchestvennoj pravostvennosti [About need of development of conceptual bases of counteraction to crimes against public moral] // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. Tambov, 2011. Vyp. 3 (95). S. 236-239.

23. Kryukov A. A. Ugolovno-pravovaya okhrana svobody sovesti i veroispovedanij v Rossii v dokhristianskij period [Criminal legal protection of a freedom of worship and religions in Russia during the pre-Christian period] // Sibirskij yuridicheskij vestnik. 2010. № 1. S. 40-44.

24. Sorokina Yu. V. Osobennosti russkogo religiozno-pravovogo soznaniya i yego vliyaniye na vzaimootnosheniya obshchestva i gosudarstva (k istorii vzaimootnoshenij tserkvi i gosudarstva) [Features of the Russian religious and legal consciousness and its influence on relationship of society and state (to history of relationship of church and state)] // Istoriya gosudarstva i prava. 2009. № 12. S. 5-9.

25. Osokin R. B. Genezis norm ob ugolovnoj otvetstvennosti za zhestokoye obrashcheniye s zhivotnymi v dosovetskij period [Genesis of norms on criminal liability for ill treatment of animals during the pre-Soviet period] // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. Tambov, 2011. Vyp. 12-1 (104). S. 396-399.

26. Prostrannaya redaktsiya «Ustava Knyazya Yaroslava o tserkovnykh sudakh» [Vast edition «The charter of the Prince Yaroslav about church courts»] // Rossijskoye zakonodatel'stvo X-XX vekov: v 9 t. Zakonodatel'stvo Drevnej Rusi. M., 1984. T. 1. S. 189-192.

27. Sinodal'naya redaktsiya «Ustava Svyatogo Knyazya Volodimira, krestivshago rus'skuyu zemlyu, o tserkovnykh sudekh» [Synod edition «The charter of the Saint Prince Volodimir christening the Russian land about church courts»] // Rossijskoye zakonodatel'stvo X-XX vekov: v 9 t. Zakonodatel'stvo Drevnej Rusi. M., 1984. T. 1. S. 148-150.

28. Klebanov L. R. Ugolovno-pravovaya okhrana kul'turnykh tsennostej [Criminal legal protection of cultural values]: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2012. S. 23.

29. Vershkov V. V. Ugolovnaya otvetstvennost' za nevozvrashcheniye na territoriyu Rossijskoj Federatsii predmetov khudozhestvennogo, istoricheskogo i arkheologicheskogo dostoyaniya narodov Rossijskoj Federatsii i zarubezhnykh stran [Criminal liability for not return to the territory of the Russian Federation of subjects of art, historical and archaeological property of the people of the Russian Federation and foreign countries]: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2005. S. 13.

30. Bepal'ko V. G. Istoriya razvitiya zakonodatel'stva ob okhrane kul'turnykh tsennostej ot prestupnykh posyagatel'stv [History of development of the legislation on protection of cultural values from criminal encroachments] // Kul'tura: upravleniye, ekonomika, pravo. 2013. № 2. S. 27-34.

31. Borodin A. V., Osokin R. B. Ponyatiye i priznaki kul'turnykh tsennostej [Concept and signs of cultural values] // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2015. № 4. S. 101-107.

32. Borodin A. V. Istoriya razvitiya rossijskogo ugolovnogogo zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za kul'turnye tsennosti [History of development of the Russian criminal legislation on responsibility for cultural values] // Aktual'nye problemy ugolovnogogo prava, kriminologii, ugolovnogogo protsesssa i ugolovno-ispolnitel'nogo prava: teoriya i praktika: mat.-ly III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (16-17 apr. 2014 g.). Tambov, 2014. S. 322-327.

33. Chibinev V. M., Makarov D. A. Vliyaniye khristianstva v vizantijskom ugolovnom prave [Influence of Christianity in the Byzantine criminal law] // Istoriya gosudarstva i prava. 2007. № 24. S. 34-35.

34. Kratkaya redaktsiya. Tekst po Akademicheskomu spisku. Pravda Ros'skaya [Short edition. Text on the Academic list. Russian Truth] // Rossijskoye zakonodatel'stvo X-XX vekov: v 9 t. Zakonodatel'stvo Drevnej Rusi. M., 1984. T. 1. S. 47-49.

35. Prostrannaya redaktsiya. Sud Yaroslavl' Volodimerich. Pravda Rus'skaya [Vast edition. Court Yaroslavl Volodimerich. Russian Truth] // Rossijskoye zakonodatel'stvo X-XX vekov: v 9 t. Zakonodatel'stvo Drevnej Rusi. M., 1984. T. 1. S. 64-73.

36. Pskovskaya Sudnaya gramota [Pskov Judgment diploma] // Rossijskoye zakonodatel'stvo X-XX vekov: v 9 t. Zakonodatel'stvo Drevnej Rusi. M., 1984. T. 1. S. 331-342.

37. Novgorodskaya Sudnaya gramota [Novgorod Judgment diploma] // Rossijskoye zakonodatel'stvo X-XX vekov: v 9 t. Zakonodatel'stvo Drevnej Rusi. M., 1984. T. 1. S. 304-308.

38. Belyaev I. D. Lektsii po istorii russkogo zakonodatel'stva [Lectures on history of the Russian legislation] / predisl. A. D. Kaplina; otv. red. O. A. Platonov. M., 2011. S. 442.

39. Yushkov S. V. Istoriya gosudarstva i prava SSSR: uchebnik. 4-ye izd. [History of state and law of the USSR: textbook. 4 edition] / otv. red. V. S. Pokrovskij. M., 1961. Ch. 1. S. 164.

40. Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava: uchebnik [History of the domestic state and right: textbook] / otv. red. I. A. Isaev. M., 2012. S. 48.

41. Martysevich I. D. Pskovskaya sudnaya gramota. Istoriko-yuridicheskoye issledovaniye [Pskov judgment diploma. Historical and legal research]. M., 1951. S. 98.

42. Fedorova A. N. Vidy i mery yuridicheskoy otvetstvennosti po Pskovskoj sudnoj gramote [Types and measures of legal responsibility for the Pskov judgment diploma] // Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 4 (14). S. 116-119.

43. Alekseev Yu. G. Pskovskaya sudnaya gramota i yeyo vremya. Razvitiye feodal'nykh otnoshenij na Rusi XIV – XV vv. [Pskov judgment diploma and its time. Development of the feudal relations in Russia in the XIV-XV centuries] / pod red. N. E. Nosova. L., 1980. S. 45.
44. Luk'yanov S. A. Gosudarstvo i tserkov' v bor'be s «gorodskimi eresyami» v Drevnej i Moskovskoj Rusi v XIV – XVI vv. [The state and church in fight against «city heresies» in Ancient and the Moscow Russia in the XIV-XVI centuries] // Istorija gosudarstva i prava. 2010. № 1. S. 11-13.
45. Sudebnik 1497 g. [Code of laws 1497] // Rossijskoye zakonodatel'stvo X-XX vekov: v 9 t. Zakonodatel'stvo perioda obrazovaniya i ukrepleniya Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva. M., 1985. T. 2. S. 54-62.
46. Sudebnik 1550 g. [Code of laws 1550] // Rossijskoye zakonodatel'stvo X-XX vekov: v 9 t. Zakonodatel'stvo perioda obrazovaniya i ukrepleniya Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva. M., 1985. T. 2. S. 97-120.
47. Androshchuk V. V. Obshchij kharakter religioznykh deliktov, ikh vidy i mesto sredi ugolovno-nakazuemykh deyanij [The general character of religious delicts, their types and place among penal acts] // Istoricheskiye, filosofskiy, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki. 2011. № 8 (14). V 4-kh ch. Ch. IV. S. 18-21.
48. Sobornoye Ulozheniye 1649 goda [Cathedral Code of 1649] // Rossijskoye zakonodatel'stvo X-XX vekov: v 9 t. Akty Zemskikh soborov. M., 1985. T. 3. S. 83-257.
49. Artikul voinskij 1715 g. [Military article 1715] // Rossijskoye zakonodatel'stvo X-XX vekov: v 9 t. Zakonodatel'stvo perioda stanovleniya absolyutizma. M., 1986. T. 4. S. 330.
50. Osokin R. B. Sostoyaniye ugolovno-pravovogo protivodejstviya prestupleniyam protiv obshchestvennoj nravstvennosti v nekodifitsirovannyj period razvitiya rossijskogo ugolovnogogo zakonodatel'stva [Condition of criminal and legal counteraction to crimes against public moral during non-codified period of development of the Russian criminal legislation] // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2015. № 2. S. 86-89.
51. Medvedev E. V. Ugolovno-pravovaya okhrana kul'turnykh tsennostej [Criminal legal protection of cultural values]: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Kazan', 2003. S. 18.
52. Ustav o nakazaniyakh, nalagayemykh Mirovymi Sud'yami 1864 g. [The charter about the punishments imposed by Magistrates 1864] // Polnoye sobraniye zakonov Rossijskoj Imperii. Sobraniye Vtoroye. Otdeleniye 2. 1864 g. SPb., 1867. T. XXXIX. S. 404-405.
53. Ugolovnoye ulozheniye 1903 g. [Criminal code 1903] // Polnoye sobraniye zakonov Rossijskoj Imperii. Sobraniye Tretiy. Otdeleniye 1. 1903 g. SPb., 1905. T. XXIII. S. 187-188.
54. Dmitriev I. L. Tserkovnaya politika Rossijskoj imperii v nachale XX veka (istoriko-pravovoj aspekt) [Church policy of the Russian Empire at the beginning of the XX century (historical and legal aspect)] // Istorija gosudarstva i prava. 2003. № 6. S. 36-39.
55. Ob ukreplenii nachal veroterpimosti: imennoj vysochajshij ukaz Pravitel'stvuyushchemu senatu ot 17 apr. 1905 g. [About strengthening of the beginnings of toleration: the nominal royal decree to the Ruling senate from 17 Apr. 1905] // Zakonodatel'nye akty perekhodnogo vremeni. 1904-1908 gg.: sb. zakonov, manifestov, ukazov Pravitel'stvuyushchemu senatu, reskriptov i polozhenij Komiteta ministrov, otnosyashchikhsya k preobrazovaniyu gosudarstvennogo stroya Rossii, s prilozheniyem alfavitnogo predmetnogo ukazatelya / pod red. N. I. Lazarevskogo; vvedeniye V. A. Demina. M., 2010. S. 36-39.
56. Ob usovershenstvovaniyu gosudarstvennogo poryadka: vysshij Manifest ot 17 okt. 1905 g. [About improvement of the state order: the highest Manifesto from 17 Oct. 1905] // Zakonodatel'nye akty perekhodnogo vremeni. 1904-1908 gg.: sb. zakonov, manifestov, ukazov Pravitel'stvuyushchemu senatu, reskriptov i polozhenij Komiteta ministrov, otnosyashchikhsya k preobrazovaniyu gosudarstvennogo stroya Rossii, s prilozheniem alfavitnogo predmetnogo ukazatelya / pod red. N. I. Lazarevskogo; vvedeniye V. A. Demina. M., 2010. S. 135-136.
57. O soglasovanii nekotorykh postanovlenij ugolovnogogo zakonodatel'stva s ukazom 17 aprelya 1905 g. ob ukreplenii nachal veroterpimosti i o vvedenii v dejstviye vtoroj glavy novogo Ugolovnogogo ulozheniya: vysochajsheye utv. mneniye gos. soveta ot 14 marta 1906 g. [About coordination of some resolutions of the criminal legislation with the decree on April 17, 1905 on strengthening of the beginnings of toleration and about introduction of chapter 2 of the new Criminal code: the highest adopted by opinion state council from March 14, 1906] // Zakonodatel'nye akty perekhodnogo vremeni. 1904-1908 gg.: sb. zakonov, manifestov, ukazov Pravitel'stvuyushchemu senatu, reskriptov i polozhenij Komiteta ministrov, otnosyashchikhsya k preobrazovaniyu gosudarstvennogo stroya Rossii, s prilozheniyem alfavitnogo predmetnogo ukazatelya / pod red. N. I. Lazarevskogo; vvedeniye V. A. Demina. M., 2010. S. 270-277.
58. Savel'ev V. N. Svoboda sovesti: istoriya i teoriya: monografiya [Freedom of worship: history and theory: monograph]. M., 1991. S. 64.
59. Pridvorov N. A., Tikhonova E. V. Institut svobody sovesti i svobody veroispovedaniya v prave sovremennoj Rossii [Institute of a freedom of worship and freedom of worship in the right of modern Russia]. M., 2007. S. 33.

* * *

**CRIMINAL LIABILITY FOR VIOLATION
OF THE RIGHT FOR THE FREEDOM OF WORSHIP AND RELIGIONS
ACCORDING TO THE PRE-REVOLUTIONARY LEGISLATION OF RUSSIA**

KOKOREV VLADIMIR GENNADYEVICH

Tambov State University named after G. R. Derzhavin,
Tambov, the Russian Federation, e-mail: pochta735@mail.ru

In article the author analyzed features of formation and development of norms on responsibility for violation of the right for a freedom of worship and religions in relation to the name and contents of the existing Art. 148 of the criminal code of the Russian Federation, since time of Ancient Russia and till October revolution in 1917. The author focused attention on that the pre-revolutionary domestic criminal legislation understood the responsibility for violation of the right for a freedom of worship in the narrow sense of the word as from the moment of adoption of Christianity by Kievan Rus' generally orthodox believers were protected; accepted in 1903. «The criminal code» protected as well the believing other religions. The author specified that in the territory of Ancient Russia the usual norms regulating responsibility for an insult of religious (idolatrous) feelings of believers worked. In the subsequent, with adoption of Christianity in Kievan Rus' in 988, interaction of the state and church began, therefore a number of laws is adopted, in particular: «The charter of the prince Vladimir Svyatoslavich about desiatina (tenth), courts and people church» and «The charter of the Prince Yaroslav about church courts». The author noted that, starting with «The cathedral code» 1649, the institute of the acts (the certain head) directed on protection of orthodox religion formed. This institute of crimes was in «The article military» 1715, in «The code about punishments criminal and corrective» 1845, and also in «The criminal code» 1903. The author specified that the Code of 1903 for the first time protected both orthodox believers, and the persons belonging to Christian religion and also to the non-Christian religions recognized in the Russian Empire.

Key words: hindrance to carrying out church service, violation of the right for freedom of worship and religions, insult of religious feelings of believers, sacrilege